

И.И. Павлов

ПЕРЕСТРОЙКА И ДЕВЯНОСТЫЕ В ГЕРМЕНЕВТИКЕ ВЛАДИМИРА БИБИХИНА*

Павлов Илья Ильич – стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога, аспирант Школы философии. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; e-mail: iipavlov@hse.ru

В статье реконструируется и анализируется философская герменевтика политических событий перестройки и смены режима в 1991 году, а также политической и экономической атмосферы «лихих девяностых», предложенная в работах отечественного философа Владимира Бибикина. Внимание Бибикина к этой теме в равной мере связано как с традиционными темами русской философии, так и с тезисом Хайдеггера об исторической фактичности мышления. При рассмотрении философии Бибикина эти два источника не могут быть оторваны одно от другого: лишь взаимно обогащая друг друга, они подготовили специфику философской работы Бибикина с современными ему событиями. Характерно, что, признавая значение исторического контекста для мысли Бибикина, различные исследователи предлагают подчас прямо противоречащие друг другу трактовки реакции философа на злободневные события. В то время как Артемий Магун считает, что Бибикин полностью разделял политический энтузиазм зачинателей перестройки, Михаил Богатов вскрывает критику Бибикиным этого энтузиазма. При обращении к более широкому пласту текстов Бибикина становится очевидным, что причиной столь широкого спектра возможных интерпретаций стала сложность отношения Бибикина к названным событиям. С одной стороны, философ не только крайне критически относился к масштабам приватизации, но и был чуток к смене идеологии; с другой стороны, Бибикин признавал значение произошедших событий и призывал интеллектуалов вдуматься в них. Единственным адекватным ответом на открывшуюся свободу Бибикин считал философскую работу, возводящую осмысление исторического контекста к вечным темам первой философии. В то же время философ подчеркивал значение отечественной философской традиции для этого осмысления, а потому воспринимал перестройку и девяностые как новый шанс для становления русской философии. При этом главным был поиск неидеологического мышления.

Ключевые слова: Бибикин, Хайдеггер, история России, перестройка, герменевтика, русская философия, идеология, свобода, платонизм

* Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

Для цитирования: Павлов И.И. Перестройка и девяностые в герменевтике Владимира Бибихина // Философский журнал / Philosophy Journal. 2019. Т. 12. № 2. С. 174–187.

Владимир Вениаминович Бибихин (1938–2004) известен в российской академической среде преимущественно как переводчик Хайдеггера. Тем не менее в последнее время выходит все больше исследовательских работ, рассматривающих Бибихина как самостоятельного мыслителя. Значительная их часть была опубликована в третьем томе журнала «Stasis», на страницах которого исследователи обращаются в первую очередь к концептуальному измерению неортодоксальной феноменологии Бибихина. Не удивительно, что в журнале публикуется перевод на английский язык фрагмента из курса «Лес» – наиболее «авторской» работы Бибихина – и что именно этот курс привлекает внимание американского философа Майкла Мардера¹.

Однако в другой статье выпуска – «Понятие события в философии Владимира Бибихина» – Артемий Магун выделяет иной аспект работы отечественного философа. Он справедливо называет Бибихина философом истории, причем в первую очередь – философом российской истории², последовательно делавшим из России философское понятие. Исследователь указывает, что такой интерес Бибихина мог происходить как из традиционных для русской философии и популярных в перестройку размышлений об историческом пути России, так и из выдвинутого ранним Хайдеггером принципа ситуативности и фактичности мышления³. Обе эти гипотезы указывают на исключительную важность событий перестройки и либеральных реформ начала девяностых для мысли Бибихина: эти события тем самым оказываются определяющими не только для философии российской истории, которую мы можем обнаружить в работах Бибихина, но и для других аспектов его мысли.

Важно понимать, что две эти гипотезы не исключают, но дополняют друг друга. В частности, саму связь Бибихина с отечественной философской традицией невозможно правильно понять в отрыве от хайдеггеровской герменевтики фактичности и постановки вопроса о связи исторической традиции с текущим моментом, поскольку для самого Бибихина связь с традицией не становится чем-то само собой разумеющимся, не требующим вдумчивого разбора. Бибихин жестко критикует «дикарские жесты» в отношении русской мысли, которые основаны на том, что русская философия – «наша» и, значит, для ее понимания не требуется усилий и можно использовать как хочется⁴.

В сборнике статей «Другое начало», посвященном русской философии и российской истории, Бибихин пристальное внимание уделяет современной

¹ Мардер М. Близость леса // Stasis. 2015. № 1(3). С. 484–492.

² О значении «русской темы» в философии Бибихина говорит и тот факт, что первой его работой, переведенной на немецкий язык, стала книга о России «Другое начало»: Bibichin V. Der andere Anfang. Berlin, 2018.

³ Магун А.В. Понятие события в философии Владимира Бибихина // Stasis. 2015. № 1(3). С. 159–160.

⁴ Бибихин В.В. Энергия. М., 2010. С. 153.

рецепции русской религиозной философии. В статье «Свои и чужие» он жестко критикует как «славянофильские» попытки эксплуатировать и редактировать философию В. С. Соловьева, обращаться только к тем его текстам, которые можно использовать для укрепления патриотизма, так и космополитическую критику русской идеи как националистического антисемитизма⁵, а в статье «Возвращение отцов», посвященной «Бесконечному тупику» Дмитрия Галковского, Биbihин называет предпринятую Галковским деконструкцию русской философии «литературным грабежом среди бела дня»⁶ и рассматривает ее как пример «инвентаризации культуры», то есть ее приобретения и эксплуатации для своих нужд⁷. В этом же сборнике Биbihин с большим уважением относится к восприятию русской религиозной мысли в проекте С.С. Хоружего, однако хвалит последнего исключительно за школьную строгость, техничность и аскетизм его философствования, практически не разбирая содержательную сторону его концепции⁸. Отсюда можно заключить, что для Биbihина в деле рецепции русской философской традиции само настроение философской работы становится более важным, чем ее концептуальный результат.

Но как проблема исторической фактичности, связанная с философией Хайдеггера, обуславливает специфику восприятия Биbihиним отечественной философской традиции, так и русская философия влияет на то, каким образом Биbihин прочитывает Хайдеггера, в частности, и его концепт понимания. Для Хайдеггера понимание – один из равноисходных экзистенциалов *Dasein* – есть чистое умение-быть, первичное по отношению к объяснению и речи⁹; «набрасывающее-бытие к той или иной способности быть, ради какой всякий раз экзистировать присутствие»¹⁰. Биbihин снимает эту активную, деятельную сторону экзистенциала понимания и заменяет ее пассивной: «Рядом с этой забытой стороной понимания, умением быть в мире и найти себя в нем, есть другая, сходная, но еще реже замечаемая. Понимание в смысле умения вместить вещи предполагает принятие их как они есть по своему существу. <...> Понимание – такое умею и могу, которое заранее согласно с тем, что вещи не просто имеют право, но должны быть для меня самими собой. <...> Понимание не столько захват, сколько захваченность. Понимание в мире было бы невозможно, если бы вещам не оставляли возможность быть свободными»¹¹.

Иначе говоря, Биbihин прочитывает экзистенциал понимания в духе своего концепта «амехании» – отключения механизмов планирования и принятия решений, философской зачарованности, нищеты и необеспеченности, – который он, с опорой на философию Розанова, вводит в лекционном курсе «Чтение философии»¹². Как я покажу далее, именно это настроение амехании оказывается ключевым в предложенной Биbihиним философской трактовке политических событий перестройки и девяностых.

Таким образом, и философия Хайдеггера, и русская философия в равной мере определили внимание Биbihина к современным ему событиям.

⁵ Биbihин В.В. Другое начало. СПб., 2003. С. 208–226.

⁶ Там же. С. 241.

⁷ Там же. С. 239.

⁸ Там же. С. 159–164.

⁹ Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2006. С. 142–167.

¹⁰ Там же. С. 336. Все цитируемое выражение у Хайдеггера выделено курсивом.

¹¹ Биbihин В.В. Язык философии. СПб., 2007. С. 87.

¹² Биbihин В.В. Чтение философии. СПб., 2009. С. 76–77.

Однако важно понимать, что это внимание представляет собой не фактографический интерес; в конечном итоге Библихина интересует не Россия как отдельная страна, но – мир как целое. В лекционном курсе «Пора» Библихин замечает, что наша страна раскрывает нам весь мир подобно кусту, растающему в землю и небо¹³. По Библихину, лишь исходя из нашего фактического положения, мы можем понимать других: страна «для нас всегда по-честному наша страна, о других мы по-честному знаем много только через свою»¹⁴. Об этом же философ говорит и во «Введении в философию права»: «Вглядываясь в свое, мы всегда начинаем замечать много редкостных вещей, и при первом приближении кажется, что они уникально наши. Наблюдая себя, сам себе предстаешь ни на что не похожим. И только когда докапываешься до своей интимной уникальности и осмеливаешься извлечь ее на свет, <...> мир начинает слышать в твоих откровениях свое»¹⁵.

Но каким именно образом Библихин хотел «услышать мир» в событиях позднесоветской и постсоветской современности? Возможный ответ предлагает Михаил Богатов, один из наиболее внимательных читателей и исследователей философии Библихина. В статье «Идеология и платонизм в работах Владимира Библихина 1989–91 годов» М. Богатов внимательно прослеживает, как на первый взгляд исключительно историко-философские работы Библихина связываются с актуальной политической ситуацией и ролью в ней идеологии. В противовес расхожему в то время – особенно в 1991 году – энтузиазму, рождающемуся от чувства падения идеологического режима и наступления долгожданной свободы, Библихин подчеркивает, что сам жест отмены старых вещей в пользу новых, интересных, повторяет жест идеологии. Последняя, представляя собой закрытую систему мысли, претендующую на абсолютную истинность, коренным образом отличается от настоящей свободы мысли – «события истины»¹⁶. Политическая злоба дня становится для Библихина тем материалом, в котором непосредственно отражаются главные темы первой философии.

К сожалению, эту экзистенциальную чуткость Библихина, на которой строит свой анализ М. Богатов, упускает из внимания Артемий Магун, предлагающий радикально другое видение реакции Библихина на события перестройки и девяностых. По мнению А. Магуна, Библихин «в полном согласии с интенцией начинателей перестройки в СССР М. Горбачева и А. Яковлева <...> видит идущее – и искомое – событие как вброс и источник энергии, дающий импульс исторического движения в “застойной” атмосфере апатии и разобщенности»¹⁷.

Следует признать, что А. Магун не оставляет без внимания «пассивный» аспект трактовки события у Библихина. Исследователь указывает, что «Библихин использует философию Хайдеггера для осмысления перестройки как события в философском смысле», и подчеркивает, что в философии события Библихина есть и мотивы позднего Хайдеггера, трактующего событие аполитически и критикующего всякий человеческий активизм¹⁸. Однако

¹³ Библихин В.В. Пора (время-бытие). СПб., 2015. С. 311.

¹⁴ Там же. С. 258.

¹⁵ Библихин В.В. Введение в философию права. М., 2013. С. 133.

¹⁶ Богатов М.А. Идеология и платонизм в работах Владимира Библихина 1989–91 годов // Гефтер. 08.04.2016. URL: <http://gefeter.ru/archive/18115> (дата обращения: 15.02.18).

¹⁷ Магун А.В. Указ. соч. С. 160–161.

¹⁸ Там же. С. 162–163.

далее А. Магун не возвращается к этой теме и сближает мысль Биbihина с политическим энтузиазмом.

Критикуя далеко идущие выводы А. Магуна, я целиком разделяю основную идею его статьи – что событие перестройки обладало для Биbihина особой значимостью, так что философ призывал своих слушателей обратить на это событие внимание. Не менее важным является поставленный исследователем акцент на том, что Биbihин считал перестройку «нашей последней революцией»¹⁹, «революцией 1987–1993 гг.»²⁰. Но приветствовал ли Биbihин эту революцию?

Тексты самого Биbihина говорят в пользу позиции М. Богатова. О своих размышлениях в 1887 году Биbihин пишет: «...я заметил за собой, что хочу помочь падающему социализму, хочу его упрочения, стабилизации. Чутье подсказывало мне, что единственный надежный способ ослабить самодержавие требует отнять у него право менять идеологию, т. е. заставить держаться принятых обещаний»²¹.

Приведенная характеристика перестройки как смены идеологии при сохранении самодержавия непосредственно перекликается с размышлениями Биbihина о николаевской России, опирающимися на заметки маркиза де Кюстина, чтению которых философ отводит значительную часть книги «Введение в философию права». Сравнивая шаткость правопорядка Российской империи с тиранией революционных периодов во Франции, Кюстин замечает, что если в последней «революционная тирания есть болезнь переходного времени», то «в России деспотическая тирания есть перманентная революция»²². Эти слова французского путешественника Биbihин сравнивает со статьей 1999 года швейцарского юриста Мари Мандра, фиксирующей отсутствие правового государства в постсоветской России как состояние «стабильной неуравновешенности»²³.

Так, Биbihин в своей герменевтике российской политики не отождествляет термин «самодержавие» с царизмом, но называет им саму российскую власть, трактуя ее как реальную онтологическую силу. Эту власть могут захватывать разные агенты – монарх, большевики, олигархи. Если же говорить в логике Биbihина, не они захватывают власть, а, напротив, сама власть захватывает их. Она устанавливает и произвольно меняет и право, и идеологию²⁴.

При более внимательном отношении к политической философии Биbihина мы видим, что вряд ли можно говорить о разделении философом идей зачинателей перестройки. А. Магун прав в том, что Биbihин призывал обратить внимание на событие перестройки, осознавая философскую значимость «нашей последней революции». Не менее значимым Биbihин считал и тот приватизационный захват собственности, который развернулся в девяностые. Но, как мы видели, для Биbihина понимание, раскрывающее,

¹⁹ Магун А.В. Указ. соч. С. 161.

²⁰ Там же. С. 171.

²¹ Биbihин В.В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М., 2004. С. 294.

²² Этот диагноз Кюстина Биbihин сравнивает с замеченным Чаадаевым положением России вне истории (Биbihин В.В. Введение в философию права. С. 96).

²³ Там же. С. 165–166. Парадокс революции Биbihин вскрывает в курсе «Энергия», замечая, что революционное сознание тянется к новому, но в то же время с помощью революции желает окончательно установить порядок (Биbihин В.В. Энергия. С. 56–57).

²⁴ О праве в России см. статью «Крепостное право»: Биbihин В.В. Другое начало. С. 383–394. Эта же тема более подробно раскрыта Биbihиным во «Введении в философию права».

по Хайдеггеру, возможности исторической фактичности²⁵, – это «не столько захват, сколько захваченность». При этом тема захваченности для Библихина является одной из важнейших – и именно поэтому к ней необходимо подходить с особой осторожностью. Как указывает А. Погребняк, Библихин различает частный и деловой интерес бизнесмена, развернувший свой захват в перестройке, – и захваченность, приводящую к опыту амехании²⁶.

Ключевое для философии Библихина понятие амехании – настраивание нищеты, необеспеченности, ограничивающей человеческую инициативу, в духе которого, как мы видели, Библихин по-новому интерпретирует хайдеггеровский экзистенциал понимания, – сохраняет свое центральное значение и при истолковании философом современности: «С этого вздоха – ах не успеем, все равно богатство (миллиарды, нефть) уже льется вовсю мимо нас, и мы не успеваем не только черпать, но даже замечать, как оно и куда расходится, – с этого знания, что событие мира без нас и помимо нас <...> и что оно нами ни уловлено, ни поставлено под учет и контроль быть не может и не должно, – с этого допущения событию быть и без всякого допущения нашего начинается наше участие в событии»²⁷.

Тема приватизации особенно подробно обсуждается Библихиным в лекционном курсе «Собственность». Курс был прочитан в 1993–1994 годах в непосредственной связи с актуальными политическими событиями. В нем философ занимает по отношению к последним критическую дистанцию и вовсе не призывает поддаться энтузиазму, о котором говорит А. Магун. Библихин замечает, что «вещи, с которыми по-настоящему имеет дело современный человек, слишком жгутся» и не продуманы «из-за мгновенного спазматического превращения всякой серьезной, действительной постановки вопроса в принятие мер»²⁸.

Задача философии – воздержание от принятия мер, «эпохэ»²⁹. Философ подчеркивает: «Мысль не должна, это не ее дело, принимать меры. Это ее убивает, она на принятии мер кончается, превращается в расчет. <...> Это не значит, что я самоубийственно предлагаю вообще никогда не принимать никаких мер. Просто настоящее принятие мер бывает так редко и так непохоже на то, что обычно понимают под этими словами, что лучше и надежнее считать, что принятие мер пока, когда мы еще не очень начали думать, не для нас»³⁰.

Говоря о принятии мер, Библихин имеет в виду и «нравственное негодование против захвата *собственности*», и осуждение последнего³¹. Более важным для философии Библихин считает данный ей, отправленной на свалку, шанс посреди этого захвата³², «вспомнить о самой себе, о своем первом начале, исходном существе»³³ Библихин предлагает вдуматься в сам концепт «собственность», в понятие «своего», поскольку «вся философия – вокруг этого различия (интереса) между своим и своим, собственным и собственным.

²⁵ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 383–386.

²⁶ Погребняк А.А. Основные понятия метафизики В.В. Библихина (софия – странность – интерес) // Stasis. 2015. № 1(3). С. 236–237.

²⁷ Библихин В.В. Чтение философии. С. 25.

²⁸ Там же. С. 20.

²⁹ Там же. С. 22.

³⁰ Там же. С. 21.

³¹ Там же. С. 23.

³² Тема «философии на свалке» с еще большим надрывом обсуждается в курсе «Чтение философии» (Библихин В.В. Чтение философии. С. 52–53).

³³ Библихин В.В. Собственность. Философия своего. СПб., 2012. С. 24–25.

Только ли философия? В собственности и в собственном сейчас пытается разобраться, как может, целая страна»³⁴. В такой работе и заключается дело философии, которая «многого хочет, ей мало увести человека от того, что вокруг, к чему-то другому: нет, она не хочет упускать и то, что вокруг, и то, что и как мы слышим»³⁵.

Таким же образом Биbihин работает и с концептом «энергия» в одноименном курсе, прочитанном в 1990–1991 годах. Прежде чем обратиться к философскому понятию энергии, Биbihин еще раз подчеркивает ненужность, абсолютную непрактичность философии в современной гонке за энергией: наоборот, деловым людям философы могут помешать своими рассуждениями³⁶, так что они оттолкнут советчиков с дороги, заподозрив в них такую же претензию «на участие в дележе выгод от потока энергии», поскольку «причастность к энергии, к ее источникам, всякая, даже самая малая, дает в наше время престиж, статус, валюту»³⁷. Далее на протяжении курса Биbihин больше не возвращается к злобе дня, тем самым вновь напоминая, что не дело философии принимать меры или скатываться в негодование.

Но разве не должен философ прикладывать усилия, чтобы привести общество к истине и справедливости? Позицию, согласно которой философ считает, что наш мир не такой, как нужно, и должен быть доработан до идеального образца, Биbihин называет платонизмом, противопоставляя мысли самого Платона³⁸. Платонизм в этом случае может быть охарактеризован как революционный идеализм: «У Платона идея ярче всего мира, она затмевает своим блеском всё земное и ослепляет нас тоже. В революционном идеализме идея тоже ярче всего, она старый мир отменяет, но революционного преобразователя озаряет! Дает ему ясновидение и прозорливость; всё собою затмевает, но овладевшего ею не смущает, наоборот, заряжает его распорядительной бодростью»³⁹.

Если сторонник платонизма, увидев идеальную истину, спешит перестроить согласно ей мир, то, в интерпретации Биbihина, тот, кто по-настоящему вышел из платоновской пещеры, не способен на это, будучи ослепленным – но не потому, что не может привыкнуть к блеску дня, что было бы возможно, а потому, что солнце истины – каждый раз новое⁴⁰; глядя на него, философ окончательно теряет ориентацию в своей прежней среде⁴¹. Но во все не философия Платона, а революционный платонизм, претензия на абсолютное знание добра и зла, определяет современную российскую политику: политик выступает как «борец против зла», «против коррупции», когда не определено даже издали, что такое коррупция»⁴².

Особенную важность в критике платонизма составляет тот факт, что она, как показывает Михаил Богатов, раскрывается Биbihиним в выступлениях

³⁴ Биbihин В.В. *Собственность. Философия своего*. СПб., 2012. С. 111. Ключевые положения курса «Собственность» были изложены Биbihиним в статье «Свое, собственное» (Биbihин В.В. *Другое начало*. С. 362–383). Их анализ см.: Михайловский А.В. *Онтологическая герменевтика В.В. Биbihина* // *Stasis*. 2015. № 1(3). С. 306–323.

³⁵ Биbihин В.В. *Собственность*. С. 182.

³⁶ Биbihин В.В. *Энергия*. С. 11.

³⁷ Там же. С. 13.

³⁸ Биbihин В.В. *Чтение философии*. С. 35.

³⁹ Биbihин В.В. *Слово и событие. Писатель и литература*. М., 2010. С. 9.

⁴⁰ Биbihин В.В. *Язык философии*. С. 147.

⁴¹ Биbihин В.В. *Слово и событие*. С. 10.

⁴² Биbihин В.В. *Собственность*. С. 215.

27 и 30 августа 1991 года, непосредственно следующих за событиями 18–21 августа⁴³, – и может быть рассмотрена как *прямая реакция* на них. При этом необходимо понимать, что критика энтузиазма и активизма в работах Библихина сохраняется и в дальнейшем. В курсе 2000–2001 годов «Дневники Льва Толстого» Библихин соглашается с участником семинара, что на дворе ужасное положение – но, говорит философ, стыдно грустить и унывать; требуется «перемена глаз», «умиление»⁴⁴. Библихин настаивает, что этика Толстого, его школа нераздраженного взгляда на мир – единственно верная; более того, по Библихину, сама история есть лишь в меру смены глаз⁴⁵. Под сменой глаз Библихин имеет в виду принятие мира, смену аспекта в смысле Витгенштейна, с философией которого он сравнивает размышления Толстого⁴⁶. Изменение взгляда на мир прямо противоположно активистскому изменению мира⁴⁷, претензию на которое, особенно характерную для девяностых, Библихин не устает критиковать.

Отвергая активизм, Библихин видит и другую возможность, открывающуюся с перестройкой, – и тут прав А. Магун: Библихин действительно чувствует, что у «нашей последней революции», как и у начала Первой мировой войны, было важное мобилизующее значение⁴⁸: «Загадочное вдохновение августа 1914 в Германии (“все стало вдруг серьезным”, Гейнзенберг) и в более размытых формах также в России, отчасти также в Австрии, *само по себе* было редкостной и важной встречей с подлинной глубиной человеческого бытия. <...> Так же было и с далеким веянием немислимой свободы в России 21 августа 1991, в день мирного выхода танков из Москвы»⁴⁹.

Тем не менее Библихин вовсе не оправдывает этим своим чувством мировую войну и беспредел «лихих девяностых». В августе 1914-го «все почти мгновенно пошло вкривь и вкось», а в 1991-м в Москве «все тогда внезапно, буквально за часы превратилось в неразрешимую смесь глупости и хитрости. Из этого однако никак не следует, что подозрительным было само то первое легкое движение открытия мира»⁵⁰. Библихин подчеркивает: «Но нужно различать между опьяняющим захватом, свежим ветром подлинного мира, пространство которого открывается неожиданно и внезапно, как в Париже и Праге весной и летом 1968, как в России в конце августа 1991, и *неизбежной* человеческой несостоятельностью перед вызовом этих исторических откровений»⁵¹.

Человеческая несостоятельность неизбежна – поэтому Библихин не предлагает альтернативу развивающемуся ходу политических событий. Он призывает обратить внимание на те вещи, которые сделались в этих событиях явными.

⁴³ См.: Богатов М.А. Указ. соч. В наиболее законченном и емком виде критика платонизма предстает в статье «Толкование сновидений» (Библихин В.В. Слово и событие. С. 7–13). Эта статья написана в октябре 1991 года по материалам первой лекции курса «Чтение философии», которую анализирует вместе с двумя другими работами Библихина Михаил Богатов.

⁴⁴ Библихин В.В. Дневники Льва Толстого. СПб., 2012. С. 388–389.

⁴⁵ Там же. С. 404.

⁴⁶ Там же. С. 450.

⁴⁷ Там же. С. 387.

⁴⁸ Магун А.В. Указ. соч. С. 160.

⁴⁹ Библихин В.В. Путешествие в будущее // Седакова О.А., Библихин В.В., Шмаина-Великанова А.И. и др. Наше положение: Образ настоящего. М., 2000. С. 298.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 297.

Иначе говоря, в первую очередь значение перестройки и девяностых для Бибикина заключается в открывшейся *возможности философии* – и в этом пункте сходятся трактовки, предложенные М. Богатовым и А. Магуном.

Слово «мир» из идеологических призывов, требующих от России войти в мировое сообщество⁵² и мобилизовать себя для решения мировых задач⁵³, Бибикин предлагает прочитать в философском смысле: в исторической ситуации падения СССР, когда внимание всего мира было приковано к России, Россия может дать слово молчащему миру⁵⁴ – что, однако, возможно не в геополитике, а только в поэзии и философии⁵⁵. В 1993 году Бибикин критикует обращенный к интеллигенции призыв Г. Явлинского «рожать власть» и подчеркивает, что это невозможно, «пока не было еще основательных разработок, хотя бы издав далеко равноценных гегелевским»⁵⁶. России предстоит не роды власти, а сократовские роды мысли.

Для Бибикина очевидна трудность, возможно, неисполнимость этой задачи. Подчеркивая «двусмысленное, не запрещенное и не разрешенное, в ссылке и в загоне существование философии у нас»⁵⁷, Бибикин пишет: «Что философия нашла себе убежище в России, можно констатировать только с оговорками. Мысль существует в России как путешественники выживают на Северном полюсе или как солдаты живут в окопах»⁵⁸. В статье «Наше положение» Бибикин признает, что «без Запада мы вообще не могли бы существовать как успешная культура»⁵⁹, после чего говорит о важности западной поддержки, в том числе материальной, для развития философии в России и нужде российского философского образования в преподавателях с Запада⁶⁰.

Однако Бибикин вовсе не считает, что Россия не сможет сказать Западу ничего нового. Если русская философия состоится и «даст слово молчанию мира», она будет вызовом «тому Западу, каким ему всегда грозит оказаться, делом человеческого обустройства на земле»⁶¹. Что же Бибикин называет «молчанием мира», которому могут дать слово только философия и поэзия?

Для ответа на этот вопрос важно вновь обратиться к тому ракурсу, в котором реакцию Бибикина на события 1991 года рассматривает М. Богатов. Несмотря на наше ожидание, что политический энтузиазм начала девяностых вдохновляется свободой, наконец-то наступившей *после идеологии*, исследователь подчеркивает, что для Бибикина этот энтузиазм *повторял жест идеологии*. Но критикуя либеральное воодушевление, Бибикин вовсе не призывал страну вернуться на путь социализма. Он предложил своим слушателям другое: сопоставить идеологию и «событие истины», открывающееся в философии⁶². На мой взгляд, это означает, что движущим мотивом

⁵² Бибикин В.В. Собственность. С. 27.

⁵³ Бибикин В.В. Введение в философию права. С. 266–267.

⁵⁴ Бибикин В.В. Другое начало. С. 271–272.

⁵⁵ Там же. С. 267.

⁵⁶ Бибикин В.В. Собственность. С. 158.

⁵⁷ Бибикин В.В. Власть России // Седакова О.А., Бибикин В.В., Шмаина-Великанова А.И. и др. Наше положение: Образ настоящего. М., 2000. С. 71.

⁵⁸ Бибикин В.В. Узнай себя. СПб., 2015. С. 135.

⁵⁹ Бибикин В.В. Наше положение // Седакова О.А., Бибикин В.В., Шмаина-Великанова А.И. и др. Наше положение: Образ настоящего. М., 2000. С. 83.

⁶⁰ Там же. С. 83–85.

⁶¹ Бибикин В.В. Другое начало. С. 267.

⁶² Богатов М.А. Указ. соч.

мысли Библихина было именно *стремление преодолеть идеологию*. Понимая, что простое отвержение старой идеологии бросает человека в объятия идеологии новой, Библихин искал другие способы неидеологического мышления. И то философское внимание к событию свободы 1991 года, к «вызову мира», которое подчеркивает А. Магун, не противоречит ни этому поиску, ни критике спешки: «До сих пор наша мысль бьется в припадке и не выдерживает напряжения близости к тому невыносимому вызову, каким остается мир. И сейчас истерические призывы к мобилизации, всегда срочной, “к лету”, и тотальной, “ситуация предельно критическая”, срывают все попытки одуматься. Так и сейчас мир непосилен для человеческого ума. Так и сейчас вызов мира нестерпим, людям мерещится многое и они спешат в ответ на невыносимый вызов расслышать идеологическую диктовку»⁶³.

Обращение к концепту «события истины» открывает Библихину две стратегии преодоления идеологии. Во-первых, понимая философию как негарантированную речь, как свободу философского вопроса, Библихин настаивает на неинструментальном, спонтанном мышлении, близком к поэтическому. Во-вторых, вместо отвержения старой идеологии Библихин предлагает задуматься над тем, как вообще возможна идеология, что является условием ее возможности, – и выявляет диалектические отношения идеологии и «события истины»: первая одновременно и чужда свободе «события истины», и словно воспроизводит его силу, будучи ближе к ней, чем к школьному прилежанию⁶⁴. Вопрос об условиях возможности, воспроизводящий кантовский трансцендентальный жест, в философии Библихина осуществляется в версии герменевтического круга Хайдеггера, вследствие чего оказывается не исследованием, а парессией, свободной философской речью. Не находя альтернатив, видя в любой системе мысли и в любых ценностях жест идеологии, Библихин отождествляет свободу философа и свободу поэта, понимая под последней не только спонтанность поэтического творчества, но и гражданскую свободу⁶⁵.

Действительно ли трансцендентальный поворот, реализованный в поэтическом духе, позволяет Библихину выйти из идеологии? Вероятнее всего, нет. Сегодня торжественные заявления Библихина о готовности русских идти на любые жертвы ради страны, о том, что «жертва у нас в крови»⁶⁶ – жертва, непосредственно вытекающая из «встроенной метафизики народа» и связанная с мировой задачей России⁶⁷, – однозначно звучат как идеологические клише, спекулирующие на мифологеме об «особой духовности» русских и через нее оправдывающие насилие. Более того, они прямо противоречат другим словам Библихина – в частности, его критике характерной для России идеологии национального превосходства⁶⁸. Хотя Библихин и понимает «мировое предназначение» России «в философском плане», однако из этого он делает политические выводы, в частности давая метафизическую санкцию российской власти на жертву собственным народом, – и эти фразы звучат *на тех же страницах*, на которых Библихин критикует спешку «расслышать идеологическую диктовку»!

⁶³ Библихин В.В. Власть России. С. 78.

⁶⁴ Богатов М.А. Указ. соч.

⁶⁵ Тема гражданской миссии поэта, характерная для русской культуры в целом, затрагивается Библихиным в разных работах. Например, см. характерное место: Библихин В.В. Введение в философию права. С. 366–367.

⁶⁶ Библихин В.В. Власть России. С. 73.

⁶⁷ Библихин В.В. Другое начало. С. 267.

⁶⁸ См., например: Библихин В.В. Введение в философию права. С. 241.

На мой взгляд, резкий срыв речи Бибихина с критики идеологии в саму идеологию с необходимостью заложен в самом его разделении идеологии и философии как «события истины», проведенном в работах, посвященных Платону и платонизму. Если проанализировать это разделение в терминах Бибихина, то «событие истины» становится той самой трансцендентной истиной, тем самым «новым и интересным», к чему стремится всякий идеологический жест.

Примечательно, что в более поздней работе – «Введении в философию права» – Бибихин указывает на *трудность* различения свободы и идеологии: «Будем различать выведение человеческого существа из обыденного состояния, снятие его как бы с петель, приподнимание в бездну свободы – и риска, и опасности, стало быть, – и организацию, манипуляцию. Иллюзия, будто это простое различие. <...> Освобождение сознания, например, при чтении Платона, не только *может* показаться, но *обычно почти всегда большинству и кажется индоктринацией*, манипулирующим внушением»⁶⁹. Однако и здесь Бибихин указывает, что чтение Платона может показаться идеологией лишь «большинству», – иначе говоря, сам он по-прежнему сохраняет убежденность в метафизическом различии свободы и идеологии, знание о котором хранит философия.

Также нельзя забывать и о том, что статьи «Власть России» и «Наше место в мире», на одних страницах содержащие критику идеологии и идеологические клише, публикуются в составе сборников «Наше положение» и «Другое начало» самим Бибихиным в 2000 и 2003 гг. соответственно. Уже в новом десятилетии и в новых политических обстоятельствах Бибихин не отказывается от своей речи, вырастающей из критики политического энтузиазма девяностых, а, напротив, авторизует ее.

Такой путь преодоления идеологии – через выход к «бездне свободы и риска», которую, кроме прочего, отличить от идеологии способен лишь философ, – позволяет философу в творческом акте самому выйти из общих мест расхожей идеологии, но не гарантирует того, что его речь сама не окажется идеологической. Выбранная Бибихиным – или захватившая его – интеллектуальная стратегия плохо согласуется с идеалами совести, гражданской ответственности и философской осторожности, которые были столь важны для его мысли.

Критикуя идеи Владимира Бибихина, важно понимать, что тем самым мы продолжаем его работу – и по основной интенции его мысли, и в постановке проблем. Именно благодаря лекциям и статьям Бибихина искание свободы как классическая тема философии обретает новое звучание в его время. Событие философии Бибихина, о котором вспоминают его друзья и слушатели, затронуло не только их. И теперь оно вводит российские девяностые в бессмертный пейзаж истории мировой философии – истории поиска свободы и веры в истину.

Литература

Бибихин В.В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2004. 416 с.

Бибихин В.В. Введение в философию права. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. 564 с.

⁶⁹ Бибихин В.В. Введение в философию права. С. 255.

Бибихин В.В. Власть России // Седакова О.А., Бибихин В.В., Шмаина-Великанова А.И. и др. Наше положение: Образ настоящего. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2000. С. 67–79.

Бибихин В.В. Дневники Льва Толстого. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2012. 480 с.

Бибихин В.В. Другое начало. СПб.: Наука, 2003. 430 с.

Бибихин В.В. Наше положение // Седакова О.А., Бибихин В.В., Шмаина-Великанова А.И. и др. Наше положение: Образ настоящего. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2000. С. 81–85.

Бибихин В.В. Пора (время-бытие). СПб.: Владимир Даль, 2015. 367 с.

Бибихин В.В. Путешествие в будущее // Седакова О.А., Бибихин В.В., Шмаина-Великанова А.И. и др. Наше положение: Образ настоящего. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2000. С. 292–302.

Бибихин В.В. Слово и событие. Писатель и литература. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 416 с.

Бибихин В.В. Собственность. Философия своего. СПб.: Наука, 2012. 536 с.

Бибихин В.В. Узнай себя. СПб.: Наука, 2015. 446 с.

Бибихин В.В. Чтение философии. СПб.: Наука, 2009. 536 с.

Бибихин В.В. Энергия. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 488 с.

Бибихин В.В. Язык философии. СПб.: Наука, 2007. 389 с.

Богатов М.А. Идеология и платонизм в работах Владимира Бибихина 1989–91 годов // Gefter. 08.04.2016. URL: <http://gefeter.ru/archive/18115> (дата обращения: 15.02.18).

Магун А.В. Понятие события в философии Владимира Бибихина // Stasis. 2015. № 1(3). С. 156–176.

Мардер М. Близость леса // Stasis. 2015. № 1(3). С. 484–492.

Михайловский А.В. Онтологическая герменевтика В.В. Бибихина // Stasis. 2015. № 1(3). С. 306–323.

Погребняк А.А. Основные понятия метафизики В.В. Бибихина (софия – странность – интерес) // Stasis. 2015. № 1(3). С. 212–247.

Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. СПб.: Наука, 2006. xii, 451 с.

Bibichin V. Der andere Anfang / Hrsg. von A. Michailowski; Übersetzung von V. Ammer. Berlin: Matthes & Seitz Berlin, 2018. 160 S.

Perestroika and the nineties In Vladimir Bibikhin's hermeneutics*

Ilia I. Pavlov

International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue; School of Philosophy. National Research University “Higher School of Economics”. 20 Myasnitckaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation; e-mail: iipavlov@hse.ru

The paper provides a reconstruction and a critical analysis of Vladimir Bibikhin's philosophical hermeneutics of Perestroika and the collapse of the USSR as well as political and economic environment in Russia during the “wild nineties”. It is argued that the reasons why Bibikhin addressed this issue cannot be fully reduced either to the Russian philosophical tradition, or to Heidegger's notion of the historical factuality of philosophical thinking. Both these intellectual strategies equally influenced Bibikhin's approach towards current political events. Furthermore, various researchers provide opposite interpretations of Bibikhin's reaction to the pressing issues of his time. While Artemy Magun argues that Bibikhin fully shared the political enthusiasm of Perestroika, Mikhail Bogatov discovers Bibikhin's criticism of this enthusiasm. Dealing with a wider range of Bibikhin's texts, one can find a single cause behind the variety of interpretations. This cause is Bibikhin's own complex attitude to the matter. On the one hand, Bibikhin not

* The article has been prepared within the HSE University Basic Research Program and has been funded by the Russian Academic Excellence Project '5–100'.

only criticized the hype of Privatization, which emerged in the nineties, but also was skeptical about the change of the ideology. On the other hand, Bibikhin acknowledged the significance of the current events and urged intellectuals to think about them. Bibikhin believed philosophical work to be the only adequate answer to the unfolding freedom. Therefore, he emphasized the relevance of the Russian philosophical tradition to this task. This is why Bibikhin considered Perestroika and the “wild nineties” to be a new chance to establish Russian philosophy. However, his main goal was to find a non-ideological way of thinking.

Keywords: Bibikhin, Heidegger, Russian history, perestroika, hermeneutics, Russian philosophy, ideology, freedom, Platonism

For citation: Pavlov, I. I. “Perestroika i devyanostye v germenevtike Vladimira Bibikhina” [Perestroika and the nineties In Vladimir Bibikhin’s hermeneutics], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2019, Vol. 12, No. 2, pp. 174–187. (In Russian)

References

- Bibichin, V. *Der andere Anfang*, hrsg. von A. Michailowski, Übersetzung von V. Ammer. Berlin: Matthes & Seitz Berlin, 2018. 160 S.
- Bibikhin, V. V. “Nashe polozhenie” [Our Situation], in: O. A. Sedakova, V. V. Bibikhin, A. I. Shmaina-Velikanova et al. *Nashe polozhenie: Obraz nastoyashchego* [Our Situation: The Image of the Present Time]. Moscow: Humanities Literature Publ., 2000, pp. 81–85. (In Russian)
- Bibikhin, V. V. “Vlast’ Rossii” [The Power of Russia], in: O. A. Sedakova, V. V. Bibikhin, A. I. Shmaina-Velikanova et al. *Nashe polozhenie: Obraz nastoyashchego* [Our Situation: The Image of the Present Time]. Moscow: Humanities Literature Publ., 2000, pp. 67–79. (In Russian)
- Bibikhin, V. V. *Aleksei Fedorovich Losev. Sergei Sergeevich Averintsev* [Alexey Losev. Sergey Avarintsev]. Moscow: St. Thomas Institute of Philosophy, Theology and History Publ., 2004. 416 pp. (In Russian)
- Bibikhin, V. V. *Chtenie filosofii* [Reading of Philosophy]. St. Petersburg: Science Publ., 2009. 536 pp. (In Russian)
- Bibikhin, V. V. *Dnevniki L’va Tolstogo* [Leo Tolstoy’s Diaries]. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publ., 2012. 480 pp. (In Russian)
- Bibikhin, V. V. *Drugoe nachalo* [Another Beginning]. St. Petersburg: Science Publ., 2003. 430 pp. (In Russian)
- Bibikhin, V. V. *Energiya* [The Energy]. Moscow: St. Thomas Institute of Philosophy, Theology and History Publ., 2010. 488 pp. (In Russian)
- Bibikhin, V. V. *Pora (vremya-bytie)* [(It’s) Time (Time-Being)]. St. Petersburg: Vladimir Dal Publ., 2015. 367 pp. (In Russian)
- Bibikhin, V. V. “Puteshestvie v budushchee” [Travel to the Future], in: O. A. Sedakova, V. V. Bibikhin, A. I. Shmaina-Velikanova et al. *Nashe polozhenie: Obraz nastoyashchego* [Our Situation: The Image of the Present Time]. Moscow: Humanities Literature Publ., 2000, pp. 292–302. (In Russian)
- Bibikhin, V. V. *Slovo i sobytie. Pisatel’ i literatura* [Word and Event. A Writer and Literature]. Moscow: Russian Fund for Education and Science Support Publ., 2010. 416 pp. (In Russian)
- Bibikhin, V. V. *Sobstvennost’. Filosofiya svoego* [Ownership. Philosophy of the Own]. St. Petersburg: Science Publ., 2012. 536 pp. (In Russian)
- Bibikhin, V. V. *Uznai sebya* [Know Yourself]. St. Petersburg: Science Publ., 2015. 446 pp. (In Russian)
- Bibikhin, V. V. *Vvedenie v filosofiyu prava* [An Introduction to Philosophy of Right]. Moscow: Russian Fund for Education and Science Support Publ., 2013. 564 pp. (In Russian)
- Bibikhin, V. V. *Yazyk filosofii* [The Language of Philosophy]. St. Petersburg: Science Publ., 2007. 389 pp. (In Russian)

Bogatov, M. A. "Ideologiya i platonizm v rabotakh Vladimira Bibikhina 1989–91 godov" [Ideology and Platonism in V. Bibikhin's Works (1989–91)], *Gefter*, 08.04.2016 [<http://gefter.ru/archive/18115>, accessed on 15.02.18]. (In Russian)

Heidegger, M. *Bytie i vremya* [Being and Time], trans. by V. V. Bibikhin. St.Petersburg: Scinence Publ., 2006. xii, 451 pp. (In Russian)

Magun, A. V. "Ponyatie sobytiya v filosofii Vladimira Bibikhina" [The Concept of Event in the Philosophy of Vladimir Bibikhin], *Stasis*, 2015, No. 1(3), pp. 156–176. (In Russian)

Marder, M. "Blizost' lesa" [The Proximity of the Wood(s)], *Stasis*, 2015, No. 1(3), pp. 484–492. (In Russian)

Mikhailovskii, A. V. "Ontologicheskaya germenevtika V. V. Bibikhina" [Vladimir Bibikhin's Ontological Hermeneutics], *Stasis*, 2015, No. 1(3), pp. 306–323. (In Russian)

Pogrebnyak, A. A. "Osnovnye ponyatiya metafiziki V. V. Bibikhina (sofiya – strannost' – interes)" [The Fundamental Concepts of Vladimir Bibikhin's Metaphysics (sophia – strangeness – interest)], *Stasis*, 2015, No. 1(3), pp. 212–247. (In Russian)